

Татьяна
Щербина

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ

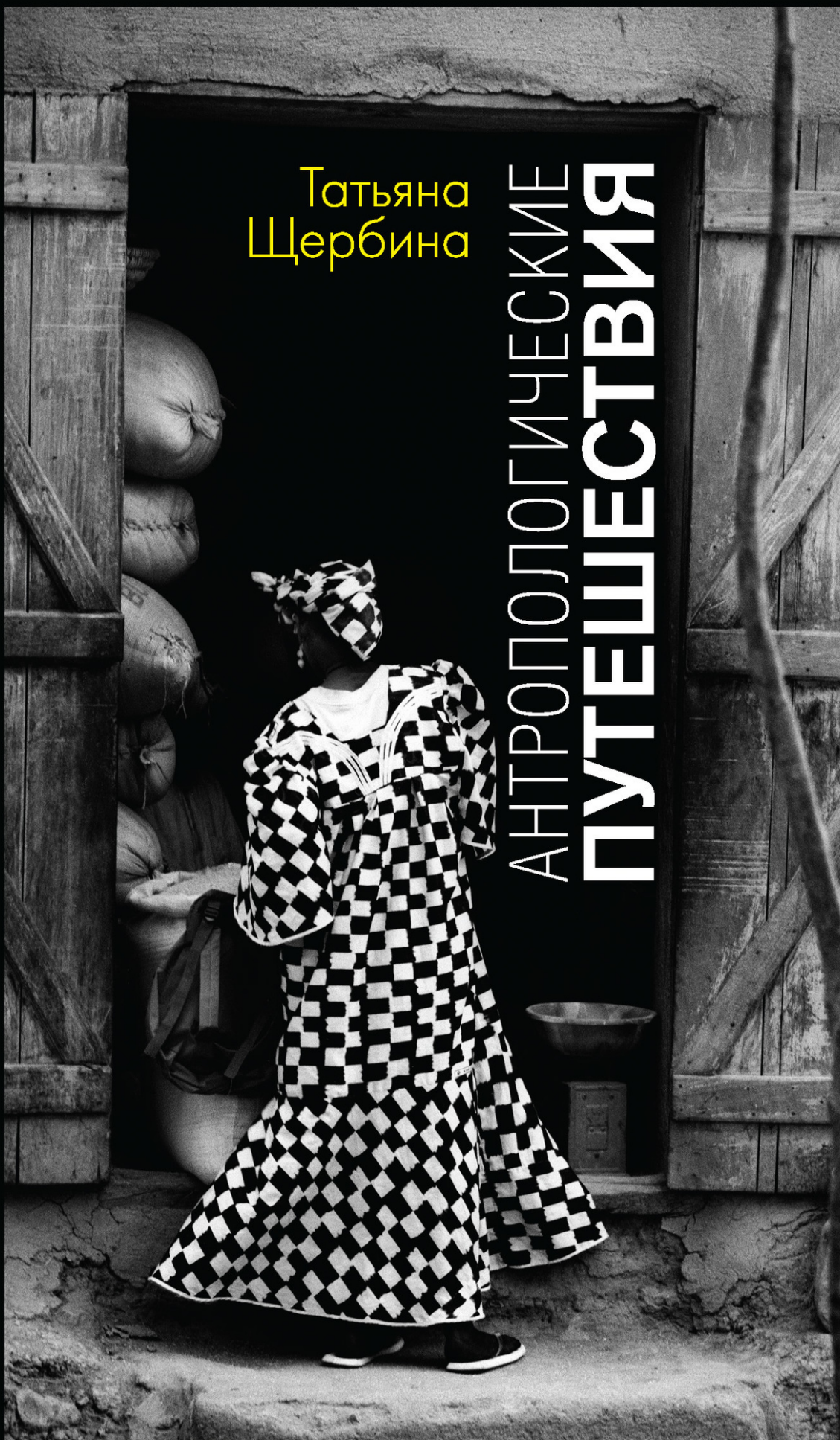

Table-Talk

Татьяна Щербина

Антропологические путешествия

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Щербина Т.

Антропологические путешествия / Т. Щербина — «Издательство АСТ», 2019 — (Table-Talk)

ISBN 978-5-17-110895-3

Глобализация и гугл – вот два главных слова последних лет. Бумажные карты, путеводители, неторопливое знакомство с «местным колоритом» превращаются в анахронизм, исчезающую натуру. Но именно сейчас, в век унификации, сетевых отелей и «олл-инклюзив» хочется остановиться, сойти с этого конвейера на узкую улочку маленького города – и пойти туда, где ничего этого нет. И если вы это сделаете – возьмите с собой книгу Татьяны Щербины «Антропологические путешествия». В книгу вошли эссе и стихи писательницы, вдохновленные ее многочисленными путешествиями. Это – путевые заметки в прозе и стихах. Это элегия, посвященная тихим, не затоптанным улицам, где можно посидеть в небольшом уютном ресторанчике (но с мишленовской звездой!) и выпить бокал хорошего вина. И за неспешной беседой с друзьями вспомнить, что такое настоящее, не загнанное в туристические шаблоны путешествие.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-110895-3

© Щербина Т., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
Локал и глобал	7
Путник	9
Русский с китайцем	11
Зеленые человечки	15
Это и есть Америка	17
Баку ку-ку	22
И Мерлин такой молодой	26
Французы, изобретатели будущего	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Щербина

Антропологические путешествия

Серия «Table-Talk»

© Татьяна Щербина, текст

© Александр Тягны-Рядно, фотографии

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Предисловие

Замечательная книжка Татьяны Щербины посвящена путешествиям. Путешествиям той поры, когда европейский мир принимал иммигрантов и не знал мигрантов. Я пользуюсь здесь терминологией, предложенной гениальным Умберто Эко. В своем эссе «Миграции, терпимость и нестерпимое» он описал иммигранта как человека, приспособляющегося к законам и обычаям новой родины. Мигранты же – это люди, которые сами ломают установленные не ими порядки. Ломают в силу своей многочисленности и неотвратимости их появления. Мир, открывающийся перед Татьяной Щербиной, – это тот мир, о котором все мы мечтали, живя внутри наглухо забитых ржавыми гвоздями границ Советского Союза.

Зная Татьяну достаточно давно, я чувствую в ней человека европейского, открытого всему очарованию и всем ценностям старушки Европы. Меня всегда восхищала ее свобода, ее французский, глубина ее стихов и тонкие нюансы, схваченные ею в любой картине, что предстает перед ней.

Таким европейским глазом глядит она и на Восток, и на Запад, на Россию и на Китай, на Индию и на Францию.

Сама я росла, мечтая о путешествиях, дальних странах и континентах, наверное, как и Татьяна, не особо надеясь на то, что мир когда-нибудь откроется нам. Но вот он открылся. И какое это было одуряющее впечатление! Я помню, как плакала лет в тринадцать, увидев фотографию французского замка Шамбор. Я рыдала, осознавая всю невозможность увидеть его наяву. А Татьяна пишет о бордосских виноделах и их замках. Я читаю и думаю: а что если напроситься и поехать вместе с ней туда. Ведь все же стало так реально, так просто. И эта реальность, кажется мне иногда, сделала путешествия не такими романтическими и те страны, о которых мечталось, не такими загадочными.

Мир изменился. Волны мигрантов и раньше захлестывали землю то в одном, то в другом направлении. Так происходит и сейчас на наших глазах. Прозрачность границ, о которой мы грезили, трансформирует пространство. Делает почти неразличимыми те милые черты, о которых с таким почтением пишет Татьяна. И в этом – особенная ценность ее книги. В ней дивный прежний мир сохранен со всеми его прелестями и недостатками.

Ее наблюдения можно вставить в любой путеводитель. Последний станет тогда бестселлером.

Ирина Ясина

Локал и глобал

Предисловие автора

Человек путешествующий сменил человека читающего. Имея в виду чтение основополагающих книг, которые уже записаны у каждого в подкорке и благодаря которым, приезжая в то или иное место, мы его узнаем. *Via dolorosa* в Иерусалиме, «золотообильные», по Гомеру, Микены, победившие Трою, могила волшебника Мерлина в Бретани, в которой торчат записки с просьбами – в лесу Броселианд невозможно не поверить в подлинность героев цикла короля Артура.

Время, когда жизнь ограничивалась своим городом, и только редкие люди перемещались по континентам, кажется уже былинным. Хотя оно было еще совсем недавно. Узнавание происходит не только по книгам: все слышали про войну во Вьетнаме, про французскую колонию Индокитай – попадая в сегодняшний Вьетнам, видишь всю эту историю воочию. Страна, уничтоженная под корень, тропики, превращенные дефолиантами в пустыню, но жизнь занялась снова, в Южном Вьетнаме – на остатках французской роскоши. Добрые, улыбчивые, трудолюбивые вьетнамцы превращают страну в рай, где хочется остаться. И многие остаются. Вообще, сейчас период второго Великого переселения народов, первое было в IV–VII веках, хотя и не такое «великое», не всемирное. В связи с этим возникает вопрос: что лучше – глобализация, когда любая страна оказывается миром в миниатюре, с чайна-таунами, арабским и африканским нашествием в Европу, европейцами, переселяющимися в Азию, или своеобразие и очарование локальных культур? Всюду одни и те же бренды, мировые торговые сети, всюду этнический коктейль, объясняющийся на *pidgin English* – интернациональном птичьим языке.

В этом для приезжего есть удобство: стандартизация инфраструктуры, узнаваемые названия отелей, ресторанов, продуктов, но хочется путешествия в прошлое. В аутентичные, как любят это называть, Прованс или Тоскану, и чтоб Лондон – с чопорными англичанами за файф-о'клоком, красными телефонными будками и красными автобусами, а вовсе не с прозрачными и призрачными современными огурцами, кальянами и толпой в паранджах. Потому что от Лондона классического остается все меньше, и скоро он может стать неотличим от любого другого места. Многим, впрочем, это по душе. Но есть места, в России их множество, которые точно такие же, как при царе Горохе, и путешественников туда не заманишь, поскольку именно что нет инфраструктуры, без которой современный человек себя не мыслит, от старинной архитектуры остались одни воспоминания, дороги плохие, водка – единственное утешение. Такие места как раз мечтают о глобализации, а места ухоженные, сохранившие старину, не знают, как остановить поток шумных туристов и сваливающихся на голову беженцев.

В книге – рассказы о Франции и Китае, Италии и Польше, Вьетнаме и Греции, Словении и России, Швейцарии и США, Сербии и Украине, Израиле и Австрии, Лондоне и Баку, Таллине и Гоа. О том, как сказка о Золушке, в данном случае, русской, воплотилась на острове Корфу, как молятся чудотворной иконе в Ченстохове, о воспроизведенном в Цюрихе Мадагаскаре и вымышленных мирах на родине Жюль Верна в Нанте.

Мир сегодня будто завершил свое строительство – кто как мог, и предстает в качестве музея, в котором каждый и экспонат, и посетитель. Но тут парадокс: всемирная «ВДНХ», к которой все, как мог, прихорошились, одни страны потянула в прошлое, считавшееся благополучно похороненным, другие в хаос. Что дальше: будет лобовое столкновение цивилизаций или планета станет гомогенной, уподобившись всемирной паутине, но сохраняя «фольклорные» уголки и традиции? В Аппенцеле, одном из швейцарских полукантонов, жители до сих пор проводят выборы, выходя на центральную площадь и голосуя поднятием рук. В одной из народностей Китая лучшая невеста – беременная. Предки хозяев замка Дуино, в котором

Рильке написал свои *Дуинские элегии*, где гостили Данте и Ференц Лист, создали первую международную компанию, от их имени и пошло слово такси. И еще они, можно сказать, изменили ход российской истории. Во Вьетнаме атеисты отличаются от верующих буддистов только количеством алтарей в доме и тем, что в храмы ходят «не для веры, а для души». Пастилу, изобретенную в Коломне и экспортировавшуюся в Европу, забыли на целый век, заменив советским одноименным продуктом, ничего общего с ней не имеющим, но энтузиасты, почти случайно, возобновили ее производство. В Бордо виноделие – это религия, и я пожила в гостях у семьи, глава которой за копейки скупал виноградники, получая в довесок замки, шато, после Второй мировой войны, чтоб их спасти, и все считали его сумасшедшим, уверившись, что отныне будут востребованы только картошка и кукуруза. Теперь на эту семью, завладевшую множеством марок вин и замков, снова ставших очень дорогими, смотрят косо. А они, и тогда, нищие, и теперь, богатые, всего лишь верны традиции.

От некоторых традиций нынешние государства и хотели бы избавиться, но не получается. В Индии кастовость действует вопреки законам, от непререкаемых пинков «низшему» до убийств собственных детей, если у них случилась любовь с представителем низшей касты. Так что традиции – это далеко не всегда идиллические картинки.

«Локал» – это пространство «своих», с ясной, хоть и не проведенной границей: квартал, деревня, поселок, маленький городок. В 1990-е я жила в Париже именно в такой атмосфере: во всех близлежащих лавочках, киосках, кафе тебя узнавали, спрашивали «вам, как обычно?» и «как дела?», теперь их все больше теснят *grandes surfaces*, как это называют по-французски – буквально «большие поверхности». «Локал» персонализирован и уютен, в нем занавесочки, безделушки, цветочки. «Глобал» – функционален, строг, обезличен, прозрачен, стандартизирован и все больше виртуален: заказы всего на свете через интернет, вавилонское столпотворение соцсетей и больших городов.

Рассмотреть планету, на которой живешь – стало, пожалуй, одним из самых важных занятий. Я много раз ловила себя на том, что умозрительные представления о странах и культурах ломаются, когда там оказываешься, а далекая история, которую учил, становится актуальным переживанием.

Татьяна Щербина

Путник

Поскольку я исповедую субъективный реализм, то и путник у меня тоже – знакомый. Это человек, у которого картинка запечатляется лучше цифры, его открытия происходят в джунглях поселений, а не в дебрях схоластики. Путник никогда не был талмудистом и начетчиком. Он любит ром, звезды, его любимые картины – это подробные разноцветные карты, гиды Michelin, он мореплаватель и автолюбитель. Он – Колумб, который открывает америки для себя, потому что это раньше человечество жило по частям, и белые люди ничего не знали о красных, а желтые – о черных. Теперь мы собрались, и каждый сам по себе и сам для себя ищет пути. Мой знакомый путник искал их в симбиозе книг и секса, а теперь – в туристических агентствах. Настала эпоха великих географических открытий на новом этапе.

Разумеется, у путника нет семьи. Кто ж таскает по штормам жену и детей! В отличие от *sedantaire*, путник осваивает землю не последовательно – от египетских предков через греческих, латинских, израильских к галльским, кельтским и русским, например. Путник нетерпелив, он не может ждать, пока века сделают свое дело. А может, ему просто не достает внутреннего зрения разглядеть в своих генах пирамиду, ядовитую змею, средневековый замок и наскальные иероглифы. Ему нужна картинка, но не кино, снятое чужим дядей, а индивидуально подозрительная труба, передающая вкус и запах. Он, собственно, в этом чужом – экзотике – ищет себя, и так прихотливо выискивает, совершенно не интересуясь веткой сакуры, но живо откликаясь на болтовню жако в баобабах рощах.

Я тоже путник, но другой. Меня тянет к козлам и верблюдам, к готическим городам и Атлантическому океану. Но путник всё равно лучше понимает путника, чем радетеля коллективного разума. Причем, это с детства. У нас были пятерки по географии, а они непонятно из чего извлекали квадратные корни.

Русский с китайцем

На острове Хайнань отдыхают китайцы и русские – больше никого. Ужас оказаться в непроницаемом мире иероглифов и речи, в которой не можешь опознать ни звука, на месте сменяется ужасом чужого русского. Меню на русском – везде, надписи – по-русски, на некоторых магазинах – только по-русски, даже без китайского названия, по отелям порхают русскоговорящие гиды, а в городе Санья, здешнем центре, китайцы, если и знают какие иностранные слова, то русские, но произношение, правописание и шрифт – китайские. Да, даже шрифт – везде один и тот же, специфический, с китайским акцентом. Написанное понятно, но понятно и то, что писавшие не понимали, что пишут. Слова разрываются посередине, склеиваются, буква «р» и «л» взаимозаменяемы как в речи, так и на письме. В китайском звука «р» нет, на слух они его тоже не опознают, для них он неотличим от «л». Из гидов, учившихся в России, одни его просто произносят как л, другие, научившиеся диковинному звуку, путают: то говорят «кулица» (это и в меню часто встречается), то «хородно». «Р» вообще таинственная буква: у разных народов произносится по-разному, арабы и русские чаще всего не могут освоить французское груассирование, а русские дети родное «р» не выговаривают довольно долго.

В парке отеля возле маленького бассейна типа джакузи надпись: *целование рыбы*. Смотришь – и впрямь, в бассейне этом плавают множество мелких рыбок. Рыбки не простые – они едят людей, за этим люди сюда и приходят: ложишься, а рыбки объедают с тебя омертвевший слой кожи, первым делом бросаясь на пятки. Если полежать часа два – пятки будут как у младенца.

У китайцев другое отношение к природе, чем у европейцев. Мы брезгуем компанией пауков и не смотрим в глаза смерти в обличье гадюки. А китайцы принимают все вызовы: в народности мяо, аборигенов острова Хайнань, дети любят играть со змеями: запускают змею в ноздрю и вынимают изо рта. А взрослые мяо изобрели противоядие от укуса самой ядовитой змеи – королевской кобры. Мне демонстрировали: девушка намазала руку противоядием, потом достала из террариума кобру и дала себя укусить. Конечно, возможно, что это и просто «антизмеин»: натертое снадобьем место кобра и не укусит. В Китае же не поймешь: здесь все – обман и подделка, и когда тебе что-то пытаются продать (а продать пытаются всё) – вытяжку из акульего жира, целебный чай или препарат из змеиного яда, то нахваливают свой товар одинаково: от артрита, холестерина, давления, цирроза печени, рака и инфаркта.

Раньше остров Хайнань был всекитайской тюрьмой, как у нас Сибирь. Только здесь, наоборот, это самый юг. Так что до недавних пор ничего тут не было, кроме джунглей, племен мяо и ли и Южно-Китайского моря. Остров кишел змеями, комарами и дикими обезьянами, но теперь никого не осталось: одних съели, других приспособили к цирковым представлениям, из третьих делают настойки, мази и порошки от всех недугов. И для похудения, само собой. Племена мяо и ли тоже пошли в дело: им построили фольклорную деревню, где они демонстрируют свои умения и самих себя. Девушки ли готовы отдаться любому туристу. Не по правде, конечно, а понарошку, для демонстрации своего традиционного уклада жизни. Дело в том, что девушке, когда ей исполняется 13, родители строят отдельный домик рядом с отчим, чтоб она могла там принимать юношей. Самая завидная невеста – беременная. Неважно, от кого, главное, чтоб были дети. Если невеста не беременна, может оказаться, что она или будущий муж бесплодны, а развестись нельзя: как только девушка выходит замуж, ее лицо и тело густо покрывают черными татуировками, чтоб изуродовать: на такую уже никто не позарится, а муж видел ее прежней, и этого достаточно, чтоб на всю жизнь запечатлеть ее еще не «зачеркнутый» образ.

Девственность, правда, тоже ценится, но совсем для другого дела: чай пу-эр, растущий на горе Пяти Пальцев, могут собирать только непорочные девы от 13 до 16 лет. И этот самый дорогой (помогающий от всех болезней, вестимо) чай продается на чайной фабрике по цене в десять раз выше, чем в супермаркетах. – Почему? – спрашиваю. – Потому что в супермаркетах – поддельный. – А зачем поддельный? – Чтобы бедные люди тоже могли его купить. Но это

другой чай. И неважно, что другой – покупают название. Правда, если человек, которому по рангу положено поить гостей дорогим чаем, напоит их дешевым, поддельным, будет конфуз. К чаю китайцы относятся так же, как французы к вину. Только у вина все написано на этикетке, а китайцы ориентируются по цене. Чем отличаются поддельные западные бренды, которые китайцы штампуют в безумных количествах, а русские туристы вывозят чемоданами, от настоящих? Ценой. Реальной разницы качества китайцы не видят. У них все – кое-какистое, но им так нормально.

Хайнань быстро застроили в последнее десятилетие: тут и здание Капитолия – один в один, только меньше размером, тут и европейские особняки под XIX век, и хрущобы, и сталинский вампир – всё вперемежку, на все навешаны большие разноцветные иероглифы, светящиеся по вечерам – в целом всё выглядит, на мой вкус, аляповато. Китайцам же важно, чтоб было ярко, разноцветно, светилось и блестело золотом. В Таиланде и Вьетнаме, в отличие от Китая, много трущоб, нищеты (правда, веселой, не тягостной), но уж к чему приложено тщание, сделано со вкусом. В материковом Китае я, правда, не была, судить не могу. На Хайнане рестораны похожи на вокзалы – большие, неуютные, разочаровала и китайская еда, коей я поклонница. В отличие от европейской китайской кухни, здесь кухни как таковой нет: просто горка креветок, кучка мяса и плоска риса. Я была в двух самых дорогих хайнаньских ресторанах и в очень дешевых – дешевые понравились больше. Там хоть порции большие, из дорогих уходила голодная, а имитация гастрономических блюд – петрушкой украсить и вареньем полить – лишняя суета. Чаевые в дорогих тоже сама зарабатывала: уносила грязные тарелки, подливала чай из чайника, ходила на поиски меню, чтоб заказать десерт. Гиды в один голос говорили: «Это юг, что поделаешь! На севере – другое дело».

Гиды все с севера, из Харбина. В бессмысленно дорогие рестораны нас привозили именно они, разводя руками, что если уж в дорогих кое-какисто, представьте, что в дешевых. Это была неправда, но через три дня уже привыкаешь, что здесь все пытаются тебя «развести». В одном из этих дорогих (а надо заметить, на острове всё дороже, чем во Вьетнаме и Таиланде, и цены на «китайщину», которая символ дешевки, кажутся завышенными) я оказалась в компании двух туристов из Якутии и пожилой женщины, директора института из Хабаровска. В их институте все эти китайские гиды и учатся по обмену: русские, которые едут в Китай, по словам директрисы, стремятся там остаться любой ценой: уровень жизни в Харбине намного выше. «Да и Китай рядом, а Москва далеко. Сейчас китайцы строят новый город прямо на границе, хабаровчане мечтают туда переселиться». Китайцев и в самом Хабаровске – половина, происходит постепенное слияние. Китайцы завоевывают территории не танками – телами. Дальневосточные девушки, по словам директрисы, мечтают выйти замуж за китайцев: они и мужья хорошие, и работающие.

По сравнению с русскими китайцы, конечно, очень трудолюбивы, а для них самих образец трудолюбия – японцы. Япония – единственная страна, которую они ненавидят, и все же уважают, как они говорят, за трудолюбие. Слово неточное. Вижу в городе Санья машину: один в один Ниссан Ноут, только значок стоит не ниссановский, а какой-то китайский. Уверена, что это не производство по лицензии, а как со всем остальным: китайцы могут воспроизвести внешний вид, симитировать, а придумать, разработать и не кое-какисто исполнить – нет. Не различают, как звук «р», им и так сойдет. Очень похоже на Россию, где планка кое-какистости стоит еще ниже. Братьями китайцы считают корейцев, как южных, так и северных («а чем плохо чучхе?»), мне удалось вырвать у них признание и об отношении к русским. «Русские шумные, громко разговаривают, – начинает гид, лучше всех чеканящая «р» (я это же сказала бы о китайцах. Скажем, в Таиланде они легко распознаются именно по шумности и бесцеремонности). – Русские злые, любят драться, убивают». Трудно не согласиться. Русских либо грозные цари пускают в расход, либо сами друг друга сживают со света. Юра из Якутии, из Мирного, занимающийся мелким бизнесом и работающий в Алросе, рассказывает: «У нас –

всесилие и безнаказанность чиновников, коррупция достигла таких масштабов, что основную часть цены чего бы то ни было составляет потраченное на взятки». «С выборами мэра, – говорит Юра, – тоже нечисто: выбрали не того, кого хотело начальство, так результаты на следующий день подделали, не стеснясь. А правды не добьешься. Один у нас нашелся правдоискатель, так ему наркотики подбросили и упрятали за решетку. Больше дураков нет». Жить в России – совсем не то, что в Москве. Чтобы куда-то поехать, надо сперва добраться до столицы, подать на визу, где-то жить, пока ее не получишь, так что якутские жители, у кого есть деньги, ездят только в безвизовые страны. И обходится им это втридорога по сравнению с москвичами.

Социализм, тоталитаризм, – подумалось мне на острове Хайнань – это наказание для дурных народов. Неспособных к самоорганизации, самоконтролю, лишенных стимула быть лучше. Чтоб не все передрались и не всё разворовали, чтоб хоть что-то делали. «Социализм – это учет и контроль» – была такая формула, но дело не в том: во Франции контроль в сто раз строже, чем в Китае, но у французов в подкорке заложено представление о совершенстве (потому вкус, красота, ухоженность, творческая энергия, давшая миру вакцину, фотографию, кино, моду), а у китайцев это представление когда-то истерлось, износилось, потому что они отказались от модернизации. Как же: Китай – оплот церемониальности, патриархальности и боевых искусств. Это и сейчас чувствуется в каждом китайце: жесткость – за улыбкой милых девушек, будто все они – мастера кун-фу и ушу. Когда они разговаривают, руки не летают в воздухе, а рубят его, будто чертят иероглифы. Китай, как и Россия, оказался бессилем перед качественным скачком, которого требовал XX век. Вернее, Россия свой рывок сделала – в космос, но население осталось «массой». И Россия в этой массе увязла, Китай же к своему рывку стал готовиться позже, теперь обгоняет Россию. В Китае все лучшее – государственное, частное – это «частная лавочка» и «шарашкина контора», в советских терминах. Разве что промышлять поделками из ракушек и продавать манго на улице – такое частное было и в советских приморских городках. На песке нет ни одной ракушки, ни одного камушка – только море что-то выбросит на берег, тут же китаец подберет: пригодится. В этом, как мне показалось, главная китайская сила: умение все обратить в свою пользу. От гремучих змей до финансового кризиса: в Китае кризиса нет, они же с миром ни в какие договорные игры не играли, отчего и могли безнаказанно воровать чужие бренды и технологии. Вот юань и крепнет день ото дня по отношению к мировым валютам. А русский с китайцем, похоже, действительно становятся братьями навек.

2009

Зеленые человечки

Корни фикуса-бенжамина,
сосен, у которых полные шишки зубов,

противовампирных осинок,
дубов с падающими желудками
сплетаются под землей в корзину,
чтоб запихнуть в нее тучный шар
планеты – от слова планировать –
летающей по четвертому солнечному кольцу,
стянутой мускулами деревьев,
упрятанной за решетку
зелеными деревянными человечками.

Не спеленутая прутьями,
планета взрывается лавой
и посыпает голову пеплом,
плачет солеными цунами,
кровоточит нефтью,
пускает газы, портя воздух,
надышанный зелеными человечками
голых платанов, одетых с иголки елок
и, конечно же, фикусов-бенжаминов.
А сапиенсы-вампирь,
белые, желтые, черные, красные,
в зависимости от места под солнцем,
но в основе белые, как все костяные твари,
пьют хоботками нефть, присосавшись
к ягодицам планеты, выпавшим из корсета,
сплетенного оливами Средиземного моря,
речными ивами и, конечно, фикусом-бенжамином,
на который я смотрю со своей террасы.

*Китай,
остров Хайнань*

Это и есть Америка

Лечу в Нью-Йорк, в самолете раздают въездные карточки, там есть пункт, что и на какую сумму ввозишь в США и не выводишь обратно. Спрашиваю у стюарда: «Книги везу, писать?». – «Свои?» – «Да.» – «Не писать, они ничего не стоят.» – «Еще не свои везу в подарок.» – «Антикварные?» – «Нет.» «Современные ничего не стоят». Это у многих сидит в подкорке: современность ничего не стоит, все ценности – в прошлом. В Америке не так: сегодняшние интеллектуальные усилия – самое дорогое, они растят будущее, оно из них прорастает. Потому туда и уезжают интеллектуалы из России: здесь они – продавцы воздуха, там воздух – первое, во что надо инвестировать, потому что плоды – уже созданное – всегда можно тиражировать, а вот чем дышать сегодня и завтра... Заодно спрашиваю у стюарда: «А чего это вы на таких старых самолетах летаете?» – Где ж старый, – возмущается он. – Ну лет двадцать ему, говорю. – Угадали, – отвечает, но это еще не старый, видели бы вы на каких американцы летают! Ужас, какое старье! (Вот он, теряющий в цене антиквариат – старье). Так российского стюарда довели пропагандой до галлюцинаций: я летала по всей Америке на незнамо скольких самолетах – новехонькие, в одном, правда, возникли какие-то неполадки, так нас оттуда высадили, пришлось лететь составными рейсами: из Альбукерка (штат Нью-Мехико) в Бостон я добиралась на трех самолетах дольше, чем летела бы в Москву. Будучи наслышана про всякие возмещения в Америке морального ущерба на миллионы долларов, говорю своему издателю и переводчику Джиму Кейтсу, по чьему приглашению и летала в Штаты: «А нам за эту накладку золотые горы дадут?» – «Ничего, – отвечает, – только другой билет».

Бардак в Америке, надо сказать, заметный, но чтобы получать компенсации за мелкие неполадки (за время моего двухнедельного путешествия их было несколько), надо долго судиться, а сутяг, как у нас это раньше называлось, в Америке не любят. Потому что отсуженные ими миллионы выплачивают, в конце концов, миллионы налогоплательщиков, вскладчину. Социальная ответственность у американцев в крови, хотя еще век назад сознание американцев немногим отличалось от нашего. Энди, профессор университета, занимающийся фольклором индейцев, говорит мне, что первоначально расизм в Америке касался отнюдь не негров, а ирландцев. Сохранились карикатуры, на которых ирландцы изображались свиноподобными уродами. Они, на сегодняшний взгляд, точно такие же, как WASP (белые англосаксонские протестанты), еще век назад казались людьми другой расы. Расизм возникал как неприятие эмигрантов, отличавшихся своими привычками. Можно представить себе культурный шок, когда в страну с 1870 по 1920 год приехало 30 миллионов эмигрантов. Негры тогда были просто рабами. И вот то, что теперь американцы избрали президентом темнокожего – победа, радость которой иностранцам (в том числе, большинству русских, живущих в Америке) не понять. Рабов удалось сделать свободными, а это процесс долгий.

Людей, живущих вне цивилизации – а в Африке слишком «всё дано» для простой жизни, жарко, еда круглый год растет и бегает, нет стимула развиваться – удалось в цивилизацию интегрировать. Много надо было приложить усилий. Варианта всегда два: отторгнуть или интегрировать. Отторгнуть – просто, это та же экваториальная или, напротив, полюсная (юрта, олени, трескучий мороз) простота: нам ничего не надо, чужие, пойдите прочь. Какова бы ни была нищета, «обезьянность» или «моржовость» жизни, сторонники отторжения стоят на двух принципах: 1) «не делайте волны», как в старом советском анекдоте, когда протягивают руку помощи провалившемуся в выгребную яму; 2) «а олени лучше».

Джим Кейтс плакал весь день, когда избрали Обаму. В юности он боролся за права чернокожего населения, и вот победа. Проблема ведь не в цвете кожи, а в отсутствии навыков жить свободным и самостоятельным. Преступность – она всегда там, где знают один ответ на всякий сложный вопрос: мочить. «Высшей математике» надо суметь научить, в том числе тех, кто говорит: «Не учите меня жить». В мой прошлый приезд в Америку в 1990 году улицы были заполнены бомжами в картонных коробках. Сейчас я их не видела. Мой старинный друг культуролог и философ Михаил Ямпольский, ныне – профессор Нью-Йоркского Универси-

тета, сказал: «Все-таки Америка – великая страна, что смогла избрать президентом человека, чьи предки еще совсем недавно были рабами». То есть, не в том величие, что избрала чернокожего, а что разницы не стало, хозяева переступили через свою психологию абсолютных властителей, бар и хозяев, рабы осознали, что мир состоит не из ненавистных хозяев, от которых никуда не деться, и товарищей по несчастью, а из свободных индивидуумов, среди которых много немощных, и если им не помогать, их не любить – они озвереют, и остальные озвереют в ответ. Так устроена жизнь. В России этого многие не понимают.

Политкорректность – это дисциплина, обучающая относиться ко всем как к самому себе. Сказать: «дебил» – это как бы существо другой породы, а «с ограниченными умственными способностями» – это такой же, как ты, но твои способности ограничены в одном, а у этого – в другом. Быть политкорректным – это не позволять себе считать других людей «псами», «козлами» и «грызунами». Это тоже психологическое усилие, которое с наскока не дается. А когда принимается, то исчезает понятие нормы. Нормы нет – только законы. Молодой гетеросексуальный белый стройный блондин и седой инвалид-гомосексуалист-индеец одинаково нормальны в американском восприятии. С индейцами, правда, особая история. Поскольку европейские завоеватели несколько веков назад отняли у них земли, государство по сей день выплачивает им компенсацию. В штате Нью-Мехико я наблюдала эту отдельную жизнь индейцев: они живут в резервациях, держат казино, что другим национальностям штата запрещено, весь доход – им самим, у них есть свое правительство, помимо общеамериканского, им разрешено торговать в Санта-Фе на центральной площади, и за места они постоянно дерутся, полицейским приходится быть начеку, могут поубивать друг друга. Называются индейцы политкорректно «native americans», урожденные американцы, и еще «независимая нация» – это самоназвание, тоже в ходу.

Когда-то американцы сражались против апачей, тот самый специалист по индейцам Энди свозил меня в музей-форт Селден недалеко от Лас-Крусеса. Там начинал свою карьеру герой Второй мировой генерал Мак-Артур, было это вроде иностранного легиона во Франции: новые эмигранты, чернокожие в том числе, служили здесь в XIX веке, тут проще всего было начать адаптацию к новой родине. Апачи – одно из индейских племен. Племена воевали и между собой, а апачи в течение нескольких веков убивали конкистадоров и их потомков, отчего долину реки Рио-Гранде прозвали Долиной Смерти. Воинственным индейцам надо было преградить путь вглубь страны, и вот в этой поросшей чахлыми кустиками и кактусами пустыне, окруженной невысокими красными горами, и располагался форт Селден. Теперь там – руины. Смешно звучит: руины XIX века. Неистовые песчаные ветры разрушили все постройки, что неудивительно: архитектурный стиль Нью-Мехико называется «Адобе», в переводе – «грязь». Дома здесь строили из грязи, которую заливали в формы, высушивали, и получались кирпичи. Ну чуток соломы добавляли. Потом стали строить из более прочных материалов, но внешний вид остался тем же: коричневые мазанки с закругленными формами и зубцами наверху. Красоты нечеловеческой. По вечерам и по праздникам зубцы светятся.

В пустыне, где был форт, водятся горные львы, мексиканские волки, тарантулы, скорпионы и гадюки. Как только я про это услышала, стала бояться их всех скопом. На заправочных станциях вдоль дороги даже плакаты висят с предупреждениями. А бедные солдаты форта, спасаясь от этих смертоносных напастей, решили в свое время сменить лошадей на верблюдов, как оно в пустынях и заведено. Не вышло, оказалось, с апачами ковбою на верблюде не совладать. Апачи теперь мирно живут на юге штата, навахи – на севере, но индейцев в штате – меньшинство: гораздо больше мексиканцев (с которыми индейцы не дружат) и ковбоев-фермеров. Вокруг руин форта – сплошные хозяйства, хлопковые поля и пекановые рощи. Специалитет штата – хлопок и орехи пекан.

На пути в форт заезжаем мы с Энди и его русской женой Ольгой (она – специалист по сибирскому фольклору, а живут они зимой в Лас-Крусесе, летом – в Москве, и в Сибирь Ольга

ездит в экспедиции) к ним домой. Ольга хочет покормить десятилетнего сына супом и взять его с нами на прогулку. Он говорит: нет, к нему сейчас друзья придут. Отец тут же делает строгое лицо: друзей – нельзя. Только в присутствии родителей. Сын начинает горько плакать, от еды отказывается, ехать с нами отказывается, но ясно, что друзей ему-таки не видать. Запрет отца – закон. Мы с Ольгой выходим на улицу. «Не хочу в этом участвовать, поскольку не разделяю», – говорит Ольга. В Москве, тем более, на даче, сын приводит кого хочет, полная свобода. А тут – протестантское воспитание: чтобы был порядок. В результате, в Лас-Крусесе сын – послушный, а в Москве – нет.

Индейцы дали миру слова: шоколад, томаты, авокадо, маис, чили. В Нью-Мехико перчик чили – как у нас соль. Еда бывает только острой (в меню против такого блюда нет перчика), очень острой (один перчик), очень-очень (два) и очень-очень-очень (три перчика). Индейцы хоть и «огонь», под воздействием чили, но уже бледный: спиваются. Перед ними чувствуют неизбывную вину: завоевали, насильно цивилизовали, но с другой стороны, не случись акта насилия, не было бы этого нового витка цивилизации. Первое деяние определяет будущее государства, американское – колумбово, со всеми плюсами и минусами. А с мексиканцами произошла вот такая история: когда евреи бежали из Испании от инквизиции в XV веке, многие обосновались в Мексике, в той ее части, которую завоевали американцы, в Нью-Мехико. Боясь преследований, евреи скрывали свою национальность, их потомки и не знали, что они евреи, только исполняли отдельные обряды, считая их традицией своей мексиканской деревни, одна из традиций была – жениться и выходить замуж только за жителей своей деревни. Так они и остались евреями, узнав об этом гораздо позже. А кактус сабра, растущий в Нью-Мехико, они привезли в Израиль, и он стал названием всех родившихся на Святой Земле.

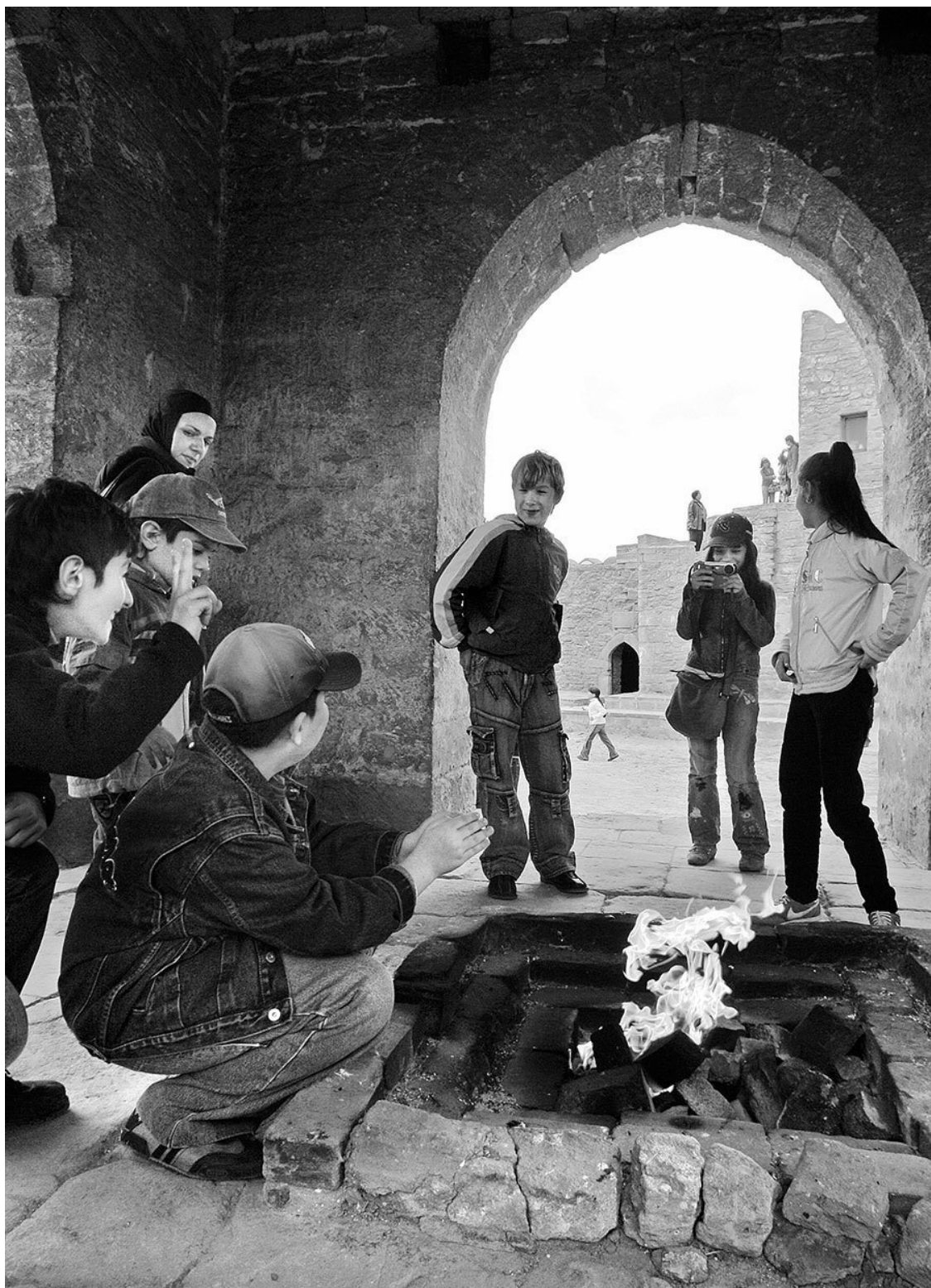
Что поражает в Америке – стиль общения, все как бы друзья. Покупаем билет на поезд: кассирша улыбается, они с Джимом обсуждают Обаму – будто знакомые. И так повсюду. Больше всего разделяет людей, пожалуй, политика. У кого на машине наклейка «2008 Маккейн» и рядом «2004 Буш» – уже не вполне друзья тем, у кого «Обама». А демонстрировать политические пристрастия американцы любят: наклейки видишь и на входных дверях, и в палисадниках ставят щиты. Привычка к демонстративности привела к тому, что теперь еще каждый штат придумывает себе идентичность: на номерах машин Нью-Хэмпшира написано: «Жить свободным или умереть», Массачусетса – «Дух Америки». Но это баловство, тогда как поддержка той или иной партии означает определенную жизненную концепцию. Республиканцы – государственники (эвфемизм для блюстителей интересов ВПК, нефти, крупного капитала), несогласные для них – «индейцы», считаться с которыми вынуждает лишь священная корова Конституции. Демократы – раздолбай, за свободу и справедливость. Вот мой Джим – совершенный раздолбай, что не мешает ему быть успешным издателем, президентом американской ассоциации переводчиков и образцовым семьянином. Джим говорит мне: «В холодной войне победила все же Россия. Посмотри – русские оккупировали Америку. Не осталось самого тихого и отдаленного уголка, где бы ни жили эмигранты из России». И Джиму это нравится. Он больше за права не борется, но активно сочувствует всем, кого пытаются лишить свободы и справедливости. Показывает мне в родном Бостоне площадь Скали, в самом центре. Тут говорит, было дно – проститутки, наркоманы, бандиты. А построила квартал когда-то семья Скали, ей он и принадлежал, постепенно превращаясь в отстойник. Правительство штата все перестроило и переименовало в площадь правительства, чтоб прежнее название не вызывало дурных ассоциаций. Скали подали в суд: что ж такое – как дно, так Скали, как фешенебельная площадь – так имени правительства. И семья Скали выиграла суд. – Понимаешь, – говорит Джим, это и есть Америка.

Это путешествие 2008 года. Я была в США несколько раз, с большими перерывами. Американское влияние на остальной мир было и остается самым значительным, поскольку страна целый век пополнялась активными и талантливыми людьми со всего света, а инфраструктура отстроена так, чтоб каждый, у кого есть замысел, мог его осуществить, а у кого нет – трудятся на благо общего «муравейника», гарантированно получая свой «кусочек сахара». Имеет значение и священность трех китов, на которых стоит государство: Конституция, собственность и то, что эмигранты и потомки эмигрантов согласились быть одной нацией. Кроме того, в США все есть бизнес, и деньги «верят в Бога», как написано на каждом долларе.

В моем представлении избрание президентом Буша-младшего было спуском на одну ступеньку, а 11 сентября – потрясением, после которого страна долго приходила в себя, но, как ей казалось, президентство Обамы продвинуло ее на несколько ступенек вверх. Трамп спутал все карты. Хотя в цивилизационном смысле сегодня главный человек – не он, а Илон Маск. И все же Америку, как и весь мир, накрыла смута – зубы оскалены, будущее зависло, одни бегут, другие прячутся, третьи надувают щеки.

2018

Баку ку-ку

Баку, а по-азербайджански Баки. Был самый интернациональный российский, потом советский город, язык сменил четыре алфавита за век, пока остановились на латинице турецкого образца. Даже в азербайджанских бакинских семьях говорят между собой по-русски, так проще. Некоторые легко понимают турок, утверждая, что языки почти идентичны. Но так

кажется не всем. Мои попытки, по возвращении в Москву, вкратце узнать историю Азербайджана и его языка, потерпели фиаско, так что я поняла, почему бакинцы путались в показах. Турция – старший брат, а когда я сказала, что забыла, что нахожусь не в России, мне ответили, что это высший комплимент. За пределами Баку русского уже не знают, в самом городе мне встретился всего один руссконеговорящий – мальчик, оставленный в лавке ковров отлучившимся отцом. Дети, как и повсюду в мире, перешли на английский.

Бакинцы дружелюбны ко всем, кроме армян. Из интернационального Баку армяне бежали все до единого, уехало и большинство русских. Горбачев для азербайджанцев – абсолютное зло, в СССР каждому сверчку был жестко определен свой шесток, а для восточного менталитета это – условие мирной жизни. Как только ослабевает хватка ежовой рукавицы хозяина, начинается хаос. И ничего удивительного в том, что через каждые сто метров в Баку висят портреты покойного Гейдара Алиева, иногда вдвоем с сыном, нынешним президентом Ильхамом, что каждый бакинец хотя бы раз в день произнесет почтительно «Гейдар Алиевич» (вот помпезное здание – его фонд, от аэропорта до парка все реперные точки носят его имя, вот памятник, вот построенная им гигантская мечеть на въезде в Баку, возле которой все водители останавливаются и кладут деньги в ящички по обеим сторонам дороги). По сей день покойный Гейдар Алиевич носит официальное звание «общенационального лидера». На сторонний взгляд – чистый Ким-Ир-Сен, а на внутренний азербайджанский взгляд – хозяин, при котором можно было жить, годы, когда он уходил с поста – это и были годы хаоса, резни, озверения. Ильхам – наместник или инкарнация отца, при нем по-прежнему можно жить («но он помягче», – говорят бакинцы). Гейдар Алиев правил республикой, советской, а потом суверенной, 35 лет.

У бакинцев любой национальности и социального круга много общего. Пафос. Велеречивость. Гордость за всё азербайджанское. Рассказы о том, как много в округе красот и обещания завтра же отвезти и засмотреть их, разговорами и заканчивающиеся. Длиннейшие и сладчайшие, как пахлава, тосты. Пахлаву, как и вообще никаких сладостей, кстати, в ресторанах не подают, это еда праздничная, на десерт – чай с вареньем. Его пьют в армуды – маленьких грушевидных стеклянных стаканчиках. Только свой, азербайджанский. В советской иерархии чаев, как мы тут вспоминали, он занимал последнее место (после грузинского, выше него считался краснодарский, еще выше – «Бодрость», второе место занимал индийский со слоном, а первое – цейлонский). Здесь его часто пьют с чабрецом, подавая два чайника: в одном заварен чай, в другом – чабрец.

К двум достопримечательностям нас все же свозили, московско-бакинский друг, который и организовал это путешествие. Одна – храм огнепоклонников, построенный индусами, но давно переделанный, тут выставлена запись: «число поклоняющихся в храме в разные периоды его истории – 1848 г. 5 чел. Журнал «Русский инвалид», 1856 г. 3 чел. А. Писемский, 1860 3 чел. Географическо-статистический словарь, 1862 1 чел. Д. Менделеев». Надо ли объяснять, какая земля породила периодическую таблицу! Другая достопримечательность – это та же горящая земля без всякого храма. Горит так называемый попутный газ, который образует слой между поверхностью земли и нефтью. Посмотрели мы на пламя, рвущееся из канавы, и подумали: если уж показывать, то хоть территорию как-то окультурить, кафешку открыть, сувениры продавать. Ну что-нибудь сделать. С этим в Азербайджане проблема. Как, впрочем, и в России. Все, что дальше центра Баку – пустыри, помойка, свалка, запустение. Пейзаж, правда, другой: повсюду на преимущественно голой и сухой земле – нефтяные вышки.

«Нефть принадлежит одному человеку», – говорит водитель. Он очень гордится и этим человеком, и тем, что Азербайджан сочится нефтью. Нефть – дар Божий. Я возражаю: «Скорее, проклятье. Нефтяные страны – третий мир, где шейхи сорят миллиардами, а население бедствует. Если б доходы от вашей нефти разделить на всех жителей, хорошо б они жили?» – Все были бы миллионерами, – отвечает водитель. Он сетует на то что без взятки невозможно

ни одно простейшее движение, на то, что у каждого можно отнять его бизнес, если он приглянется «одному человеку», дачный участок, как отняли у него самого, поскольку на его участок положил глаз кто-то «близкий к». Потому по возможности, как и в России, стараются перевести деньги в швейцарские банки и бизнес тоже куда-нибудь подальше. Только здесь все резче, виднее – пространство маленькое. Сетования сочетаются с чувством привелегированности: быть азербайджанцем, жить в стране Гейдара Алиевича, стране с великим прошлым и великим будущим. Великое будущее обеспечивается нефтью, повсюду стройки, и это единственное, что бакинцам дружно не нравится: город не узнать, сносят старинные дома, строят новодел. Когда я прилетела, над городом стоял густой смог: то ли пыль от строек, то ли туман, никто так и не понял. Обычно здесь воздух прозрачен, поскольку Баку в переводе означает «город ветров», и ветры дуют то с моря, то с гор, из-за чего температура воздуха меняется сто раз на день. Климат тяжелый – город стоит на море, и сырость пронизывает до костей. Плюс нефтяное «амбрэ» и загазованность от пробок, тем более что пару раз в день движение перекрывают для проезда кортежа «одного человека» и его гостей.

У стен Баку два цвета: темный – подсолнечной халвы и такой же грубой фактуры, и светлый – тахинной халвы, гладкой, режущейся как масло, такими же кажутся и камни новых построек (строят, как водится, турки), обточены и ладно пригнаны, а старые – будто булыжники наклеплены друг на друга, подмазанные цементом, залатанные чем попало. Темные – древние, светлые – новые. Но древность столько раз разрушалась и перестраивалась, что первоначальный облик трудно себе представить. В старом городе на фоне «халвы» – яркие пятна ковров. Я ходила от одной лавки к другой, и торговцы разворачивали передо мной эти шедевры – невероятно, как сквозь века, через все ханства, халифаты, каганаты, монгольские и турецкие иги (от слова «иго»), сменявшие друг друга на территории, называвшейся некогда Кавказской Албанией, сохранилось волшебное искусство ковроткачества. Албанский язык, кстати, бытовавший в первые века н. э. на территории Азербайджана, имеет самый длинный алфавит в мире, 52 буквы. Но подлинный здешний алфавит – ковровые узоры, каждый из которых имеет свое значение, и передаются они из поколения в поколение уже несколько тысячелетий (утверждают, что азербайджанские ковры ткали уже в бронзовом веке!). Вкус, с которым краски и линии располагаются на коврах, не встретился мне в Баку больше нигде, здесь как бы и не отличают красивое от безобразного.

Глаз жителей Старого города, которых называют «крепостные», поскольку внутри крепости, не замечает ковровых посланий на фоне «халвы», а выходя из крепостных ворот – ликует при виде бутиков всех дорогих брендов мира. Всех до единого – это нынешний гордый фасад Баку. Бутики – не для того, чтоб в них покупать (они – как говорят бакинцы – «для лохов»), а чтоб чувствовать себя мировой столицей. Символ Баку – Девичья башня, сооружение невиданной формы, никто не знает, что эта конструкция означает и когда и кем была возведена. То ли в I веке, то ли в XII. Она, как и Дворец Ширваншахов, занесена в 2003 году в список объектов мирового наследия ЮНЕСКО, находящихся под угрозой. Еще раз удивляюсь, как при варварском обращении с архитектурой азербайджанцы сохранили древнюю тайнопись ковров. Я себе один прикупила, притащила в дом кусок подлинной истории, которую бесконечно фальсифицируют словами.

Главное достоинство бакинских женщин – уметь делать мелкую дюшбару, то есть минипельмени. В идеале в столовой ложке должно уместиться десять штук. Когда родители жениха приходят знакомиться с невестой, она должна приготовить дюшбару, и каков будет размер пельмешек, такова ей и цена. Это, конечно, не касается интеллигенции, которая живет по московским меркам. Мне довелось пообщаться с азербайджанцем-демиургом, Рустамом Ибрагимбековым¹*. Он засадил 50 гектаров виноградников и начал делать вино, так что скоро можно

¹ Автор сценариев к фильмам «Белое солнце пустыни», «Утомленные солнцем», «Восток-Запад» и т. д.

ожидать достойных азербайджанских вин. И еще создал в Баку киношколу. А все, к чему прикасается этот человек, плодоносит. Мы сидели в Центре современного искусства, который открыл академик живописи Фархад Халилов, художник с мировой известностью, с ним и с Рустамом, под его новое вино, но мне казалось, что это «общечеловеческое» лицо Баку скоро перестанет быть видимым в нефтяных парах страны Гейдара Алиевича.

2008

И Мерлин такой молодой

Приземлились мы в Нанте и сразу же отправились в Ренн, столицу Бретани. История с этими двумя столицами весьма запутанная: Нант как-никак много веков был столицей Бретанского герцогства, а потом региона Франции Бретань, но в 1963 году его взяли и приписали к другому региону – Стране Луары. Бывают же страны и народы с «трудной судьбой», Бретань – из них. Потому в ней столь развит национализм и сепаратизм: жизнь в ощущении, что бесконечно что-то отнимают. Сперва армориканцев – как тогда звались бретонцы – победил и приписал к Риму Юлий Цезарь, потом они сражались с бриттами, англами и саксами, близко же: Великая Британия через пролив, Король Артур один на двоих, а они – не британцы, а бретонцы (по-французски слово одно, Grande Bretagne и просто Bretagne, а жители зовутся по-разному: те – *britanniques*, а эти – *bretons*), и язык бретонский вовсе не похож на английский. Дальше их поглотила нежная Франция, а у бретонцев-то – никакой нежности! 4/5 суши окружено суровым океаном, леса, болота, пираты-корсары, крепости, блины, сидр и кальвадос. Но ладно уж, смирились за века с французской короной – поначалу-то и вовсе Анну Бретонскую сделали королевой Франции, а больше бретонцев к трону не подпускали. Злоключений – не счесть, в самые недавние времена – знаменитую гору Сан-Мишель отобрали, раньше они делили ее с Нормандией, поскольку граница регионов шла по реке: отлив – Сан-Мишель в Бретани, прилив – у норманнов.

Административное неудобство решилось в пользу соседей-соперников, а отъем Нанта и вовсе привел бретонцев в ярость. Не всех: тем, кто чувствует себя просто французами – все равно, где проходят внутренние границы. Среди жителей Нанта многие относятся к бретонцам свысока: мол, и в старые времена в Нанте говорили по-французски, а бретонцев из глубинки звали сюда как гастарбайтеров. Кто адаптировался – стал французом, а «деревенщина» вернулась туда, где изъяснялись по-бретонски (в Нижней Бретани) или на галло (в Верхней). Бретонский язык – диалект кельтского, галло – латыни. И еще такая разница: в Нижней Бретани говорят «сладкий блин» и «соленый блин», а в Верхней «блин (сере)» – это сладкий из пшеничной муки, а *galette* – из гречневой, который наполняется всяким мясным-рыбным. Одна галета – полноценный обед. Блинные в Бретани на каждом шагу, тут все уверены, что блинчики – их национальное изобретение. Русские *blinis* (дрожжевые, которые пекут на Масленицу) – совсем другое. *Sereps* – это попросту блинчики.

Бретонский национальный напиток – сидр. Мы поехали в музей сидра – он неподалеку от горы Сан-Мишель, там выставлены старинные перегонные аппараты и рассказано, как происходила эволюция яблок. Будто бы им два миллиона лет, и сперва они были травой, постепенно матерели, став низкорослым кустарником с яблочками 15–20 мм в диаметре и ядовитыми косточками, а уж только потом превратились в настоящие яблони, чтоб радовать подоспевшего на тот же этап эволюции *homo sapiens*. У Саши, с которым мы осваивали Бретань, в музее родилась теория: сахар превращается в спирт, виноград слаще, поэтому градус у вина больше, чем у яблочного сидра. Может, это и так известно, но вот что нам пояснили в блинной: сладкий сидр (*cidre doux*) – это молодой сидр, в нем 2 градуса, чем дольше он хранится в бочке, тем становится суше и крепче, полусухой – 4,5 градуса, столько же и брют – это максимальное содержание алкоголя, который могут дать яблоки. А уж дальше сидр перегоняют в кальвадос, но главное, что и сидра, и кальвадоса, и самих яблок у соседей-нормандцев не меньше, чем у бретонцев. Зато устриц и вообще морепродуктов в Бретани – полмира можно накормить. Мы ужинаем в морском ресторане в Сан-Мало. Приносят поднос морепродуктов и набор инструментов. Я мучаюсь со щипцами, пытаюсь добыть мясо из краба. «У краба правда в ногах», – говорю Саше, а он, легко управляясь с креветками, отвечает: «А у креветок – в жопе». Закончив сражение с панцирями и раковинами, смотрю на белую скатерть, где стояла моя тарелка – сразу видно, что она была полем боя, вся в панцирных останках. «Здесь сидел поросенок», – говорю я смущенно. – «Морская свинка», – уточняет Саша.

Ресторан назывался *Porte de St-Pierre*, потому что расположен у одноименных ворот в крепость. Сан-Мало – остров-крепость: здесь жили корсары, отличавшиеся от пиратов тем, что завоевывали земли и богатства не для себя, а для французской короны, и не черт-те-как завоевывали и грабили, а по правилам. Тем не менее, в сувенирных лавках Сан-Мало ложечки, кружки, футболки и прочие туристические трофеи продаются с изображением типичного пирата с черной повязкой на глазу. На мои расспросы местные жители не могли дать вразумительного ответа: чем отличались корсары от пиратов, с кем они воевали, от кого оборонялись в крепости, а вот про французского Колумба, первооткрывателя Канады (отчего часть ее, провинция Квебек, и стала франкоязычной) можно узнать легко. Памятник, на нем написано: Жак Картье, в 1535 открыл Канаду. Малуанец был Картье, а у Сан-Мало даже девиз такой: «Я не француз, я не бретонец, я малуанец». Богат был город – не всё ж корсары короне отдавали, себя не забывали – и славен. Тем, что за много веков никому не удалось взять их крепость – корсары были грозой не только на море, но и на суше. И неудивительно, что французский романтизм зародился тоже в Сан-Мало, «отцом» его считается малуанец Франсуа-Рене де Шатобриан. Вот несколько цитат из него, не утративших актуальности, надо заметить:

«Не право рождает долг, но долг право.

Когда свобода исчезла, остается еще страна, но отечества уже нет.

Чем более цивилизованным становится образ жизни, тем более приближаются люди к тому, какими были они вначале: наивысшей ступенью знания оказывается неведение, а вершиной искусства – природа и нравственная простота.

Из всех существовавших религий, христианская – самая поэтичная, самая человечная, самая благоприятная свободе, искусствам и наукам; современный мир обязан ей всем, от земледелия до абстрактных наук, от больниц для бедных до храмов, воздвигнутых Микеланджело и украшенных Рафаэлем; ... она покровительствует гению, очищает вкус, развивает благородные страсти, дает мысли силу, сообщает писателю прекрасные формы и художнику совершенные образцы».

Один из туристических маршрутов Бретани – «путь Шатобриана». Собственно, это путь из Сан-Мало к горе Сан-Мишель. Один из городков по дороге – *le Dol de Bretagne*. Здесь романтик учился, ходил на мессу в примечательный местный собор – пламенеющая готика, XIII век, сохранились даже аутентичные витражи, но главная достопримечательность Дола – дольмен (отсюда и название места), точнее, менгир. У мегалитов своя классификация. Хотя ученые ничего и не могут доподлинно про них сказать, но термины блюдутся строго. Здешний называется «Поле боли», поскольку возникновение его связывают с легендой, будто два брата пошли друг на друга войной, и бились так, что поле битвы стало морем крови, даже водяная мельница заработала, и тогда вырос из земли этот гигантский менгир, как перст Божий, и последняя схватка, отца с одним из сыновей, не состоялась. С этим менгиром связано и пророчество. Дело в том, что каждый год он вырастает в землю на несколько сантиметров, сейчас на поверхности осталось 9 метров, пророчество гласит, что когда он уйдет под землю совсем, наступит конец света.

«Стоун-хенджей» в Бретани – невероятное количество. В Карнаке целые поля мегалитов, возраст их определяют несколькими тысячелетиями до нашей эры, но бретонцы видят в них матчасть кельтских легенд. Бретонские прашуры – Король Артур и рыцари Круглого стола. Лес Броселианды и вправду кажется тем, который представляешь себе, читая о гномах, феях, гигантах (один из них, кстати – Гаргантюа, чье имя Рабле использовал для своего романа) и отважных рыцарях, сражающихся с нечистью, ищущих Грааль и влюбляющихся в фей. Волшебник Мерлин тоже влюбился в фею – Вивиану, которая воспитала Ланселота. Мы бродили по дремучему лесу Броселианды, вспоминая фильм «Сонная лощина» – казалось, что сейчас

он воплотится наяву. Подошли к фонтану Вивианы – там они познакомились с Мерлином, а чуть подальше – его могила, усыпанная цветами, представляющая собой скромную мегалитическую композицию (может, и расколовшийся камень), в щели которой записки засунуты столь же плотно, как в Стене Плача в Иерусалиме. Саша говорит: достань, посмотри, что люди пишут. Я отнекиваюсь: нехорошо читать чужие письма. – Ну хотя бы одну, узнать, о чем просят Мерлина. Ладно, одну развернула. Молодой человек обращается к волшебнику с таким живым чувством, будто он не только существовал реально (бретонский исследователь Броселианды М. Roignard утверждает, что история Артура – подлинная, и кости Мерлина, которые были обнаружены в могиле – кельту Мерлину и принадлежат), но и поныне творит чудеса. – Мерлин, помоги мне, пожалуйста, срочно найти хорошую работу, – просит юноша, объясняя, почему ему так приспичила хорошая работа. Ради любимой девушки, естественно. Записка длинная, в конце юноша выражает уверенность в том, что Мерлин ему обязательно поможет: он же свой, родной, бретонец.

Бретонская «глубинка» – коричнево-черно-желтая, как Прованс серебристо-красно-сиреневый, в цвет олив, маков и лаванды. Здесь – ярко-желтые поля люцерны, желтые акации, кусты типа можжевельника, тоже с желтыми цветами. Крыши из черных каменных пластинок, сланцев – абсолютно у всех домов, сами они – из бурого камня, с белыми воротничками окон. Как в Большой Бретани, то есть, Англии, но там кирпичи, а здесь – грубоватые массивные камни. Ну и, конечно, зелень – она здесь царит, только вот что-то случилось с деревьями в бывшем краю друидов: все до единого обвил плющ, а это значит – дереву конец, высосут из него все соки. Может, не могут эти места без веры их жителей в деревья? Мегалиты вон занесли в национальное наследие, относятся к ним трепетно. Все разные – один в форме подковы, другой – будто двое обнимаются, есть дольмены, похожие на большие столы. Непонятно, что это и зачем, хотя, если б из далекого будущего прилетели в наши времена какие-нибудь электронные существа, вскарабкавшиеся по эволюционной лестнице выше хомо сапиенса, они б тоже не поняли, зачем эти полые внутри бетонные коробки, а в них какие-то фарфоровые диски с рисуночками да железки с зубцами и ямками. Так и не догадались бы, зачем нам дома, тарелки и ложки.

Картина мироздания у бретонцев – причудливый коктейль из разных исторических эпох. На некоторых мегалитах стоят кресты. Сестра короля Артура, фея Ана – а фей здесь много, все с именами – соединилась в воображении с Анной, матерью Девы Марии. Бретонцы считают ее бретонкой, будто она после смерти мужа уехала в Иерусалим, там вышла замуж снова, а в старости вернулась на родину. Да и фея Ана вышла замуж за якобы потомка Иосифа Аримафейского. Потому у здешних католиков – особый культ Анны. Королева Франции Анна Бретонская просто не могла называться иначе. Но больше всего поклоняются все же Мерлину, от его могилы, следуя указателям, можно проехать по всем достопримечательностям артурианского цикла: вот замок феи Вивианы, в котором рос Ланселот, рядом – пруд, на дне которого – Хрустальный Дворец, подаренный фее волшебником. Чуть дальше – Долина-Без-Возврата, которую заколдовала фея Моргана. Пойдет туда неверный любовник – обратно не выйдет. Бесстрашный рыцарь Ланселот вроде бы долину расколдовал, но лучше не рисковать. Тем более, что Золотое дерево, которым туда завлекают – пример того, насколько бессмысленно примазываться к древним легендам. Засохшее дерево, покрашенное золотой краской, сопроводили свежесочиненной легендой «под старину», и все это затем, чтоб привить туристам экологическое сознание. Новодел блеснит, но даже к сказочной старине не прививается. А вот исторический дуб в Броселиандском лесу – десятиметровый в обхвате, старый настолько, что внутри него укроется дюжина человек. Примечателен он тем, что во время революции 1789 года в его полости удалось скрыться от террора аббату Гильотену, о чем гласит табличка. Аббат (однофамилец отца гильотины) продолжал крестить и венчать после того, как опиум для народа был запрещен декретом. И главное, вписался аббат в кельтскую мифологию, поскольку дупло

закамуфлировалось волшебной паутиной, когда он там сидел, и послал ее не Иисус и даже не его бабушка Анна, а все тот же Мерлин.

Мы выбираемся из леса Броселианды усталые, мокрые и все в грязи – погода соответствовала кельтскому духу, и тропинки в лесу развезло от дождя. Приезжаем в отель «Король Артур» в городке Плёрмель, греемся в сауне и джакузи, плаваем в бассейне, а крыша над ним прозрачная. Смотрю со своего лежака на небо, оно беспросветно серое, дождь целится прямо в меня, но стеклянный потолок не пускает его дальше, и это тоже волшебство: вроде как самой оказаться феей Вивьяной, для которой построили Хрустальный дворец с гастрономическим рестораном. На стене ресторана высечены имена Ланселота, Мерлина и Ко, чтоб гость помнил, в чьих владениях находится.

Русские все больше тянутся в Бретань: сказочный мир, где бродят белые единороги и летают эльфы, красочные средневековые городки с полосатыми домиками – Ренн, Ванн, Динан, Кемпер; умеренный климат, всюду океан, потому много курортов. Мы поехали в Ля Боль (La Baule), вся эта полоса от Сан-Мало до Ля Боль называется Изумрудным берегом: на Лазурном берегу море синее, а здесь – зеленое, из-за обилия водорослей. А где водоросли – там устрицы (Бретань поставляет 4 тысячи устриц в год – треть французского устричного производства) и талассотерапия. В Ля Боль едут больше всего, постоянно здесь живут шестнадцать тысяч человек, а в сезон – сто пятьдесят. Русские облюбовали, как водится, самые дорогие отели, все они, как и казино, принадлежат группе Barrière. Основатель дела, покойный Люсьен Баррьер, настроил роскошных отелей и казино по всей Франции, но сам родом отсюда, так что в Бретани их целый букет, в Ля Боль – четыре. Мы останавливаемся на сутки в Royal: с утра идем по процедурам – бассейн с десятком видов водных массажей, от пяток до затылка, затем лечебные ванны с водорослями, обертывание, массаж. «Лечебность», собственно, заключается в курсе похудения. И самое тут пикантное – решение гастрономической проблемы. Когда худеющие питаются в одном ресторане кореньями, а обычные люди в соседнем – утицей да шоколадным муссом, вера худеющих в правильность выбранного пути сильно колеблется. Поэтому в Руайяле пошли другим путем: ресторан один, блюда одни и те же, но приготовленные по-разному. Второй, диетический, вариант помечен количеством калорий, так что можно есть то же, что и «простые» люди, но при этом продолжать терять килограммы. И еще в ресторане собрали коллекцию минеральных вод мира – 48 наименований, от всех недугов. В отеле – галерея портретов, «доска почета»: сюда приезжают Анни Жирардо, Франсис Вебер, Шарлотта Ремплинг, Изабель Юппер, а кто из знаменитостей бывает часто, получает привилегию, их именами называют сыюты. Конечно, случаются казусы – например, звездный (по Мишлену) повар тоже был тут завсегдатаем, а потом с него звезду сняли, и он покончил с собой. О нем с тех пор знают во всем мире, но в сыюте с его именем не каждый захочет остановиться.

Ля Боль – граница Бретани и Страны Луары. Граница не только административная, но реальная: еще встречаются блинные, но вино распространено гораздо более, чем сидр. И крыши: едешь-едешь – крыши черные, сланцевые, а потом вдруг раз – и пошли красные, черепичные. Признак юга. И дома сами становятся элегантнее, тут правит бал XIX век – один в один концовка «Сонной лощины»: исчезают мрачные леса, волшебные сказки и дома-крепости, занимается рассвет городской жизни, светлой и светской. Может, и прав был Шатобриан, написав: *«Когда люди не верят ни во что, они готовы поверить во все»*, но в Бретани Мерлин все еще жив, а за ее пределами он – всего лишь миф, как и сказка о Белой Даме (в честь которой назван один из классических десертов-мороженых) и о менгире, который ночью ходит на водопой, а к утру возвращается на место.

2008

Французы, изобретатели будущего

У народов, населявших территорию нынешней Франции – бретонцев, бургундцев, гасконцев, окситанов и других – при всех различиях было, пожалуй, одно общее свойство, которое в конце концов соединило их в единую нацию – французов: твое – значит, тобой возделанное, окультуренное и обихаживаемое. Земля для них становилась собственностью тогда, когда с ней вступали в интимные отношения: она делилась своими сокровищами – ее одевали и причесывали. Такого сознания как в России – «не отдадим ни пяди родной земли», пусть это и сплошные болота, чащи, пустыри и тяп-ляп сколоченные городки и деревеньки – у средневековых протофранцузов не было.

Приезжаем на полуостров Геранд (La Guerande). Земля здесь ничем не радовала подбравшихся к ней в конце XIV века бретонцев: океан и болота, ветры, холодные зимы, короткое лето. Бретонцы присмотрелись и решили, что тут – самое место, чтоб добывать соль. Проложили от океана дорожки (чеки), по которым океан потек ручейками, оставляя на поверхности кристаллики соли, и соль эту вручную, грабельками, собирали. Тогда соль была на вес золота, продавали ее по всему свету. Это теперь она стоит копейки, поскольку добыча полностью механизирована, но обычная «соль поваренная» – отнюдь не того качества, как та, которую по сей день средневековым способом добывают в Геранде. Разница – «поваренную» химически очищают и отбеливают, добавляют йода и натрия, а в «живой», называемой *la fleur du sel* (цветок соли) все океанские минералы сохраняются в первозданном виде. Солисты (или как назвать? по-французски – *paludiers*) снимают граблями только самый верхний слой, и вот этот-то «цветок соли» и только его используют в своей кухне именитые повара мира. Говорят, цветок соли и вкус придает блюду изысканный, но еще ведь – почти лекарство. В Бретани распространено полусоленое масло и карамельки с цветком соли – привыкли к вкусу, мы вот тоже решились попробовать. Заказали на десерт блинчики под карамелевым соусом с этим самым цветком. Не может же быть сладкое соленым! – подумали мы и решились. Оказалось действительно сладким, и соль чувствовалась не как соль, а как пряность, оттенок. Понравилось очень даже.

Вот, стало быть, добыли бретонцы столько соли, чтоб хватило денег на осушение части болот и строительство, и построили город-крепость. Геранд – один из редких городов XV века, у которого полностью сохранилась крепостная стена. В свое время епископы двух бретонских епархий перенесли туда свои резиденции, у каждого была своя церковь внутри крепости – ссорились, паству разделили, целая буря в стакане воды, сегодня смотришь – городок-с-ноготок, жителей на один многоквартирный дом, а в средние века каждый такой город – универсум. Даже удивительно, что на Геранду никто никогда не покушался. Сохранились на полуострове и белые соляные болота, и черные торфяные – по ним передвигаются на лодках. Флаг Бретани – черно-белый, это и потому что горностаи со своим черно-белым хвостом были символом бретонского герцогства, зашифровано и количество земель Верхней (черные полосы) и Нижней (белые) Бретани, ну и болота тоже – черные и белые.

Добывать цветок соли – тяжелый труд и постоянный риск. Чтобы соль кристаллизовалась, надо, чтоб пятнадцать дней подряд светило солнце. Начнет капать дождь – все пропало. А собранная соль выдерживается три года, чтоб потерять всю свою влагу, только после этого ее продают. Город Мюнхен в Германии тоже был построен на соли, но мысль баварцев работала в другом направлении. Двое монахов («Мюнхен» в переводе – «монах»), вооружившись лопатами, перегородили дорогу – через эту местность пролегал соляной путь – и начали собирать с проезжих торговцев дань. На эти деньги город и построили. Французы же поступают всяко, но ценят только то, что сделали своим трудом и умением, потому именно они оказались основоположниками современной цивилизации. Кино, автомобиль, воздухоплавание, скафандр, фонограф, вакцина, консервы, дома моды, скоростные поезда – всё их изобретения. А то, что изобрели не сами, как вино или соль, стараются довести до совершенства. Знаменитый постулат Гермеса Трисмегиста в «Изумрудной скрижали» – «Что снаружи, то и внутри, что вверху, то и внизу» – воплощен французами как ни одной другой нацией. Во Франции божественное про-

является в земном, духовное – в материальном, чистое бюргерство или небрежение тканью жизни воспринимается как гуманитарный сбой.

Из Геранды мы отправились на юг Страны Луары (сама Геранда тоже ныне приписана к этому региону), на остров Нуармутье (Noirmoutier). Дачное место, здесь покупают домики, чтоб проводить лето на берегу океана, некоторые живут постоянно. На островных указателях пишут не географические названия, а одно слово – «континент». До континента доберешься – там будут «детали»: названия городов и весей, а относительно острова все одно – континент. Когда-то бретонцы и галлы, постепенно осваивавшие новые земли, пришли сюда, и могли бы питаться одной рыбой и морепродуктами, но хотелось – с картошечкой. И они засадили ею весь остров, так и по сей день картофельные поля неприкасаемы – их нельзя отдать под что-то другое. Дело в том, что картофель с острова Нуармутье – самый дорогой в мире. Если обычная картошка стоит 1 евро за кило, то эта – 7 евро. Разница в том, что земля здешняя – песок, а в нем картофель созревает быстрее. В обычной земле – 120 дней, здесь – 90. А чем раньше картошку вынешь из земли, тем более она сочная, из обычной земли раньше не вынешь, из корнеплода не успевает выйти яд, на котором, как ни странно, земляное яблоко (в буквальном переводе с французского) и настаивается, пока зреет. Сверху еще водорослями укрывают, чтоб свет не проникал, иначе шкурка будет зеленой. Ну и понятно, что картошка эта – больше морская, чем земная, то есть, содержит олигоминералы. Но это еще не *та самая* картошка с Нуармутье, самая дорогая в мире, цена которой – от 500 евро за кило. «От» – потому что продают ее на аукционах, в Париже на вырученные деньги кормят нищих в так называемых «ресторанах сердца», бесплатных. Называется эта чудо-картошка Бонотт, плоды ее – размером с виноградину, и выкапывают ее только в течение одной недели мая. Бонотт не хранится, собрали урожай – за неделю он весь съеден.

Но передовым картофельным производством и туристическим бизнесом (летом количество людей вырастает в десять раз) остров не ограничился и принялся решать новую проблему – рыбную. В последнее время во всех морях и реках ценная рыба исчезает. Как ни пытались разводить искусственно – не хотят рыбки размножаться, хоть плачь. Прямо как белые люди. А рыбоведы Нуармутье научились выращивать тюрбо. 30 месяцев она растет в огромных аквариумах с океанской водой, потом ее продают, иногда сразу для прилавка, взрослыми, иногда для того, чтоб покупатели ее еще подрастили. Поставляют по всему миру, в Москву, в частности, но особо гордятся тем, что тюрбо у них покупают японцы. – Ну и что ж, что японцы? – спрашиваю. – Так они сырую рыбу едят, так что к качеству придирчивее всех (одно из ключевых французских слов – «качество», то есть наилучшее воплощение Замысла – одни называют его божественным, другие не называют никак, но все равно воплощают).

Ферму «Франс тюрбо», создали, как обычно во Франции, энтузиасты. У тюрбо проблема была даже не столько в нежелании плодиться в неволе, сколько в том, что детки гибли в искусственной среде: ценные рыбы – очень нежные создания. Островитяне Нуармутье стали делать малькам прививки, с которыми те прекрасно живут. Я смотрела, как совсем крошечным рыбкам (четырехмесячным, растут тюрбо долго) делают уколы специальной машинкой, некоторых почему-то отбрасывали в сторону. – Почему? – спрашиваю. – Такой не выживет, – отвечает рыбий фельдшер – и показывает мне какой-то едва различимый для глаза дефект. Жалко, конечно, но их тут в аквариумах – видимо-невидимо, в каждом по десять тысяч. А в год разводят полтора миллиона особей!

Вот почему-то приятно мне смотреть, сколько я путешествую по Франции, как люди зарабатывают деньги своим трудом. Когда перепродают или на бирже играют или стоят у конвейеров – совсем не интересно, а когда своим умом и своими руками – кажется, что именно это и есть лучшая, самая правильная жизнь. Причем, всё в охотку, с любовью – вот кто ферму создал и вкалывает на ней в резиновых сапогах, он же уверен, что делает самое важное дело в жизни. От него я направилась к устричникам. Один, по кличке «Розовый кролик», кличка на

его заводи прямо так и написана – угостил меня парой самых крупных устриц, которых достал из их тюрьмы – мешка-клетки, в которой устрицы живут с детства, пока их не раскладывают на льду в ресторанах и магазинах. Устрицы Нуармутье – йодистые, соленые, их можно и без соли есть. Я съела и впервые в жизни почувствовала, что больше не могу – а когда только приехала из Москвы, ощущала острую устричную недостаточность и заказывала их днем и вечером. Даже устрицы могут надоесть, и всего за неделю.

На континент мы отправились не по мосту, как ехали сюда, а по дну океана. Утром мы видели море, а во время отлива открылась асфальтированная дорога, в течение трех часов отлива по ней можно успеть добраться до материка. Мы припозднились, так что ехали с опаской, вода уже начала прибывать. Разница в уровне воды при приливе и отливе – 14 метров. Но все обошлось, и мы взяли курс на Нант, по дороге заглянув в замок к виноделу – это ведь регион белых вин Muscadet, к самому именитому из которых добавляется «титул» *Sevre et Maine sur lie*. Мюскадэ – название загадочного происхождения, не связанное с названием места и ни к мускату, ни к мускусу отношения не имеющее – это классическое вино под морепродукты, а единственный сорт винограда, из которого оно делается, в переводе значит «бургундская дыня». Севр и Мэн – два притока Луары, а мы находимся в местах, где Луара везде, только в Нанте текли шесть ее рукавов посреди города (потом четыре из них засыпали).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.